

АВТОРСКИЙ ЗАМЫСЕЛ В КНИГЕ И НА ЭКРАНЕ

На киностудии «Мосфильм» ведется подготовка к экранизации широкоизвестного романа Михаила Николаевича АЛЕКСЕЕВА «Вишневый омут». Наш корреспондент обратился к писателю с рядом вопросов. В разговоре принял участие и режиссер будущего фильма Леонид Евгеньевич ГОЛОВНЯ.

— Михаил Николаевич, как вы относитесь к переводу ваших произведений на язык кино? Известно, что многие писатели испытывают при этом немало сомнений, а некоторые и вовсе отрицают экранизации.

— К числу последних, как видите, я не принадлежу. Хотя и считаю, что не все даже очень хорошие литературные произведения надо переносить на экран. Я подразумеваю здесь те, которые по самому приему изложения материала, индивидуальной манере, стилистике авторского письма действительно не поддаются этому. Весь аромат их, вся притягательная сила именно в искусно разработанной словесной ткани. Они — для чтения.

Что до сомнений... то они, конечно, всегда есть. И останутся. Да и как им не быть, ведь фильм создает целый авторский коллектив: режиссер, оператор, художник, композитор, наконец, актеры! И у каждого свое видение, свое понимание того, что создано тобой. Волей-неволей задумываешься: а что же останется от меня? Я, например, решительно отказываюсь от иллюстраций к своим книгам, они редко совпадают с авторским видением героев, среды, места действия, с той атмосферой и тональностью повествования, которые присущи ему. А тут кино...

Как не задуматься и над тем, что у читателей сложилось уже определенное представление о твоём романе или повести, и если оно было благоприятным, то в случае неудачи какое разочарование ожидает их. И, конечно же, потеряешь немало новых читателей («А, видели, неинтересно!») — картину-то смотрят миллионы! Уж не говорю о собственном состоянии, особенно если непосредственно причастен к созданию фильма как автор его сценария. В общем, сомнений и сдерживающих рычагов достаточно.

Но если картина поставлена удачно?... Довелось мне не так давно встретиться со студентами Волгоградского политехнического института. Аудитория, как известно, весьма взыскательная, и мнение свое высказывает недву-

смысленно, без обиняков. И вот, когда упомянули фильм «Журавушка», в зале раздались аплодисменты, а назвали «Русское поле» — прямо оvation устроили. Риск, значит, стоил того!

Конечно, соглашаясь на экранизацию, надо заведомо быть готовым и к каким-то потерям, они неизбежны: в фильме, возможно, выпадут даже целые сюжетные линии, не найдут своего места некоторые — и дорогие тебе! — персонажи, укоротятся, спрессуются многие эпизоды и сцены и т. д. Ведь писатель пишет, не думая о том, что, быть может, когда-то будет поставлен фильм по его произведению. На страницах книги он предоставляет полную свободу своим героям, стараясь подробно проследить их жизнь в самых различных ситуациях и перипетиях, в которых они оказываются. Сделать подобное на шестидесяти страницах машинописного текста сценария чрезвычайно трудно. Не минуем нас это и в «Вишневом омуте», хоть он и будет двухсерийным. Однако такая работа приучает писателя к тщательному отбору событийного ряда, лаконизму и в то же время емкости повествования, особому вниманию к выразительной, образной детали. Содружество литературы и кино очень плодотворно, оно взаимно обогащает. А одно то, что твои герои обретут на экране живую плоть, видимо, предстанут со всеми своими радостями и бедами, — одно это уже не может не волновать и не притягивать.

Предложение Леонида Евгеньевича экранизировать «Вишневый омут» я принял сразу. Его работа над произведениями любимых мной писателей — Шукшина, Воронина, Закруткина говорила мне о многом: о характере гражданской направленности поисков режиссера, о его творческом почерке и возможности.

— Леонид Евгеньевич, чем объясняется ваш выбор именно «Вишневого ому́та»?

— После постановки фильма «Матерь человеческая» по одноименной повести Виталия Закруткина я долго не мог остановиться на

чем-то определенном. Снимать следующую картину всегда непросто. Жизнь стремительно идет вперед, и сталкиваешься все с новыми, одна острее другой, порожденными ею проблемами. И вот, когда начинаешь думать о волнующих тебя событиях, о возможностях их экранного воплощения, как-то по-иному видится в этом прицеле и то, что уже известно, что когда-то было уже прочитано тобой. Так, взяв однажды давно полюбившийся «Вишневый омут», я был буквально поражен заново открывшейся мне глубиной романа и прежде всего его главного героя Михаила Харламова. Вся прожитая им такая нелегкая жизнь — убедительнейший пример накопления человеческого достоинства. Вот же, вот оно — то, о чем я хочу сейчас говорить! Тема, на мой взгляд, из важнейших сегодня. И решена она в романе емко, многопланово.

— Что ж, теперь, как говорят, дело «за малым» стало — найти этому экранный эквивалент.

— Над ним-то как раз мы и бьемся сейчас. Сценарий в основном вроде выстроился. На последних этапах работы уже принимали участие оператор Олег Мартынов, художники Галина Шабанова и Павел Сафонов, что также, конечно, немало способствовало нахождению ряда чисто кинематографических решений сценарной основы.

— Михаил Николаевич, писать сценарий вы начали сразу же в соавторстве с режиссером?

— Глубоко убежден, что так и должно быть. Инициатива исходила от меня, ибо, повторяю, ни на минуту не сомневался в том, что на всех этапах работы, с первых же шагов, тем более если это не оригинальный сценарий, а экранизация, писатель и режиссер должны быть вместе. Творческая необходимость их содружества совершенно очевидна. И пора уже наконец в этой связи категорически снять с режиссеров бытующее, к сожалению, и по сей день традиционное обвинение их в якобы меркантильной заинтересованности в совместном написании сценария. Неужели не понятно, что такое соавторство диктуется в первую очередь интересами будущего фильма. Они-то и должны

быть поставлены во главу угла. И ничто другое!

— «Вишневый омут» охватывает большой, но весьма отдаленный от нас все же исторический отрезок — от предреволюционных лет до дней Великой Отечественной войны, в то время как мы говорим о волнующих нас сегодня проблемах.

— Понимаю. Перед тем как засадить за роман, такого рода сомнения немало одолевали и меня, сам думал: кому он сейчас нужен? Поделится в письме своим замыслом и этими терзаниями с Владимиром Солоухиным... Разубеждая меня, он привел пример... с Пастером: дескать, когда великий старец создавал свои вакцины, мало кто верил в них — «прививочки» какие-то, что они могут! — а они спасли миллионы жизней, да и сегодня верой и правдой служат людям. Но это так, к слову.

— И, к слову, не ошибся, разубеждая вас: с того времени, вернее, с момента первой публикации в 1961 году «Вишневый омут» выдержал ни мало ни много восемнадцать переизданий, был переведен на многие языки, в том числе и в ряде зарубежных стран.

— Так вот история и современность, конечно же, единый поток, и писатель извлекает из него нужное для современников. Случается, когда это возникает на определенных исторических параллелях, как было, например, в свое время с романом А. Степанова «Порт-Артур»: надвигалась война с японским империализмом, и выход такой книги, что называется, попал в точку. Но речь, разумеется, о более широком понимании этого процесса. Ведь главное в литературе и искусстве, даже когда действие происходит на отдаленном историческом фоне, — создать образ такого героя, который всей своей сутью убедительно откликался бы на остро волнующие нас сегодня вопросы. Тогда он и становится современным в том понимании слова, о котором мы говорим. При этом одно условие обязательно: не бояться показывать его слабости и недостатки. Только в этом случае он убедит нас. Сошлюсь на классический пример: не будь у Чапаева своих «минусов», вряд ли он стал бы так близок и понятен нам, едва ли поверили бы мы в подлинно героические черты его харак-

тера. И уж тем более это важно, когда речь идет о создании образа современника! Не надо путать положительного героя с идеальным. Человек по сути своей не может быть таким, не создала еще природа такого совершенства. Отполированный, без сучка и задоринки герой — не герой, а ходячая добродетель. Встречали вы таких? Я не встречал. Положительный герой — понятие социальное. Американский миллионер, добившийся в жизни всего, неважно какими средствами, — подлинный герой для своего общества, у нас же он не вызывает ровно никаких положительных эмоций, напротив, он нам глубоко антипатичен.

Мои герои — полпреды моих идей, всего самого дорогого, что ношу в сердце. Они далеко не святые, но я их не дергаю, не выпрямляю, даю действовать сообразно их характерам, потому что глубоко верю им и знаю: они не подведут в главном. Как-то в Хабаровске на встрече с читателями, наслушавшись наших выступлений, подошел потом один пожилой человек. «Я ничего не понимаю в ваших писательских делах», — сказал он, — какой там должен быть рост у героя, какие глаза или нос... Важно, куда этот нос суется». Запомнилось!

— В последнее время не только в зарубежном кинематографе, где это, в общем, бытует давно, но и у нас стала подчас заметной тенденция использовать литературный материал только как некий трамплин, что ли, отталкиваясь от которого, режиссер стремится к своему наиболее полному самовыражению, нисколько не заботясь при этом о верности авторскому замыслу. Как вы относитесь к этому, Леонид Евгеньевич?

— Резко отрицательно. Не говоря уж о том, что это не в лучших традициях нашего отечественного кинематографа, который всегда стремился как раз к обратному, особенно при экранизации классики. Такая тенденция не находит моего понимания еще потому, что, как правило, приводит фильм к проигрышу: его невольно сравнивают с литературным первоисточником, и если тот был интереснее и самобытнее, то результат складывается далеко не всегда в пользу его экранного «пере-

воплощения». Только глубокое проникновение в авторский замысел, когда он становится твоим, представляется мне единственно плодотворным и результативным. По крайней мере в своих предыдущих работах я стремился именно к этому.

— Когда вы, Михаил Николаевич, говорили о том, что виденные вами фильмы Леонида Евгеньевича убедили вас во многом, то, очевидно, имели в виду и эту их особенность?

— Несомненно. Какой же автор мечтает стать только «трамплином»? В таком случае он, по-моему, вообще не нужен: или у режиссера должен быть свой оригинальный замысел, или уж он должен следовать тому, который заложен в литературном материале.

Вопрос экранизации сложный, неоднозначный, в нем много разных аспектов. Не только исчерпать их, но даже коснуться в одной краткой беседе не представляется возможным. Однако есть законы, равно непреложные для всех видов искусства, в том числе, разумеется, и для кино. Я говорю прежде всего о правде характера героев. Нет ее — нет и произведения, от его замысла осталась в лучшем случае никого ни в чем не убеждающая схема, и даже самые лучшие побуждения, если они и были у автора, пошли насмарку.

Вот уж что совершенно непростительно, будь то литературное произведение или его экранизация!

Закончив работу над «Тихим Доном», Михаил Александрович Шолохов со всей свойственной ему откровенностью сделал в своем дневнике глубоко знаменательную, являющую для всех нас пример подлинной ответственности художника запись: «Поставлена последняя точка. Кому-то хотелось потрафить, кому-то угодить, но матушка-правда не велит».

Памятуя непреходящие и сегодня в своем значении слова Владимира Ильича Ленина о кино как о важнейшем из искусств, мы тем более не должны забывать о нашей ответственности перед ним, тем более должны быть придирчивы и бескомпромиссны к себе, чтобы потом с чистой совестью можно было войти в зрительный зал, где смотрят фильм, к которому ты причастен.

Беседу вел Михаил КАНЕВСКИЙ.